

ДЕКАБРЬСКИМ УТРОМ, а именно 1 декабря 1949 года, Рита поняла: она ошиблась. И ей это не понравилось. Мало того: все изменилось, хотя ничто не стало другим. И это ей не понравилось еще больше.

Даже вставать не хотела, но пришлось: ночь ее предала. Теплый воздух, мазок рассвета в щелке портьеры. Если не открывать глаза, можно попробовать удерживать дремоту. Важно, чтобы ночь осталась с ней, внутри. Ей хотелось быть рабыней ночи — и владеть ею, как грудной ребенок владеет матерью. Именно владеет, хотя жизнь его зависит только от нее. Дитя — главный и единственный собственник матери. Рите тоже захотелось стать грудным ребенком матери-ночи, спрятаться под ее защиту, погрузиться и исчезнуть — но ничего не вышло. Как и прошлым утром, и позапрошлым. Нет в мире такой силы, которая могла бы удержать ночь. Рита прекрасно это понимала, хотя так и продолжала лежать с закрытыми глазами в своей постели, в домике на Грэнж-парк-авеню, 37, на северной окраине Лондона.

Проехала машина молочника, и в полусне Рита привычно улыбнулась уютному звяканью бутылок.

Сколько времени уходит на пробуждение? Может, полсекунды, может, две или три, но ощущается как многокилометровый подъем. Гаснет калейдоскоп снов. Яркий бисер, формирующий предательски симметричные картины, не выдерживает конкуренции с серой монотонностью наступающего утра. Острые цветные стеклышки блекнут, озадаченные сменой освещения, оплывают, растворяются, уступают место отсчету времени и утренней жизни. Пространство ночи совсем не похоже на пространство дня. В нем нет логики, чьи-то фигуры сменяют друг друга, высовываются из крипт прожитых лет, корчат рожи, подают абсурдные и многозначительные реплики и устремляются в абсурдную и многозначительную неизвестность.

Во сне Рита часто стоит у окна и смотрит на пшеничное поле. Или на яблони в саду, обремененные тяжелыми, стремящимися к совершенству плодами. Изобилие за окном почему-то утешает, хотя кажется недоступным... а может, именно поэтому. Иногда ее навещает утонувший брат Эмиль, будто бедняга не знает, что уже сорок лет как мертв. Он выглядит очень грустным, даже когда улыбается. И она улыбается, тоже грустно. Брат и сестра. Стоят друг напротив друга и невесело улыбаются.

Риту завораживает необъяснимость ночи. Она даже среди дня иногда тоскует по густым, светло-зеленым, еще не успевшим налиться желтизной зрелости посевам, а когда ложится, с нетерпением ждет этого сна, надеется услышать ласковый шепоток пшеничного поля.

Глаза все еще закрыты, но она уже знает: муж лежит рядом. По дыханию — он еще спит. Днем люди так не дышат. Долгий спокойный вдох, короткий облегченный выдох. Сны его совсем другие, населены другими образами, инструментованы другими звуками и освещены другим солнцем. Он лежит в двух дециметрах от нее, но расстояние это уже давно неизмеримо. Не в сантиметрах или метрах дело. Оно ни мало, ни велико, это расстояние. Именно неизмеримо — его невозможно измерить. Иногда она думает: мы настолько близко, что выпадаем из поля зрения друг друга.

Рита не огорчается — напротив, это ее устраивает.

Неохотно разжимает кулаки, и ночь ускользает. Садится, надевает очки. И первым делом убеждается, что мир точно такой, каким она оставила его накануне вечером. Трюмо в углу, щетка для волос в ящичке из прозрачного стекла, где она хранит еще и ключ от настенных часов. Там же лежит одна-единственная притворяющаяся розовой жемчужина из порванного ожерелья. На крышке ящичка рельефное изображение скачущей лошади, а под лошадкой углубление, словно специально сделанное — можно пристроить сигарету, пока причесываешься. Платяной шкаф у одной стены, комод с шестью выдвижными ящичками — у другой. Ночные тумбочки по обе стороны кровати, вода в стаканах выпита ровно наполовину. Это всегда ее удивляло: и ее стакан, и его — ровно наполовину.

Утро как утро, такое же, как вчера. Стандартное утро. Обычно это ее вполне устраивает. Стандартное утро обещает стандартный, устойчивый день.

Сунула ноги в войлочные тапки, накинула халат, подошла к окну и отодвинула тяжелую, подбитую шелком гардину. Тучи лежат чуть не на земле, отчего контуры домов красного кирпича кажутся нечеткими, будто запылились. Неплохо бы протереть скучный пейзаж влажной тряпкой. А так — всё как всегда. Дом напротив даже в тумане выглядит заносчиво — каменная лестница, снежно-белые желоба и водосточные трубы. Хозяин накопил наконец денег на машину и теперь паркует сверкающий “моррис майнор” у самой калитки: пусть никто не сомневается, кому принадлежит это чудо техники. Он и сейчас там стоит, но не сверкает, лак покрыт матовой пылью измороси.

Напомним: декабрь 1949 года, Рита стоит у окна спальни на втором этаже и смотрит на разделенные узкой полоской кустарника дома, каждый на две семьи. В тумане граница между пятнами зелени и терракотой кирпича размыта, как на неумелой акварели.

Нет. Ошиблась. Новое утро хоть и выглядит как вчерашнее, позавчерашнее, позапозавчерашнее, но это только кажется.

“Теперь ты довольна?” — спросил он по пути в ресторан “Старая вишня”.

Рита понимала: он не хочет затевать очередную ссору. Судорога злости свела рот, и она не смогла ответить. Молча кивнула — не стоит портить день. Все же сделали, что хотели. Кивнула, но в глаза не посмотрела.

Но все же, все же... Время было заказано, он позвонил брату, сказал, чтобы в конторе его не ждали. Оделись парадно и проехали три остановки до Энфилда на автобусе.

Никак не удавалось осознать. Даже не осознать, а переварить. И вовсе не потому, что, как часто говорят, *этот день был самым счастливым днем жизни*, и не потому, что произошло такое фантастически значительное событие. Наоборот: *значительное событие* оказалось банальным и прозаическим, наименее драматичным из всего, что может произойти с двумя людьми. Им вручили конверт со свидетельством, скрепленным печатью местного муниципалитета. Плотный конверт так и лежит в прихожей поверх пачки неоплаченных счетов. Они его даже не распечатали.

“А ты довольна?” — задала Рита себе тот же вопрос, вглядываясь в постоянно меняющиеся очертания цветные пятна. Если прищуриться, смесь кирпично-красного, зимней зелени и ключев опустившихся на землю облаков похожа на палитру художника.

— Ты довольна? — еще раз спросила она, на этот раз вслух. Он наверняка все еще спит, а спит он крепко.

Туман внезапно и быстро рассеялся, прямо на глазах. Облакам надоело возиться с пепельным ластиком, стирать грубые и угловатые черты жизни — снялись с насиженного места и скрылись в небе. А может, и не в небе, а в каком-то неизвестном тайнике, где обычно прячутся, дожидаясь своего часа, облака.

Нельзя сказать, чтобы Рита так уж предвкушала новый день, но он-то все равно наступил. Она вовсе не потирала руки, вспоминая набор ждущих ее домашних дел, но их-то все равно придется переделать в определенном порядке. С этим Рита тоже давно